

СРЕДА

Экран и сцена. - 1991 - 12 дек. (№ 50) - с. 15

НЕ КРУТОЕ ДЕТСКОЕ КИНО

Исповедь автора по поводу провала собственного фильма

Все было просчитано до мельчайших деталей. Решено было наконец снять настоящий детский фильм, такой, чтобы сердца юных зрителей дрогнули, а глаза увлажнились.

В руках у нас была волшебная, полная великой нежности к нашим братьям меньшим повесть Джека Лондона «Майкл, брат Джерри».

Не испечь из такого теста хороший кинематографический пирог было бы непростительно!

И мы часами проговаривали каждую сцену, каждую реплику, опять и опять видели, как после долгих скитаний домашний пес, умеющий петь под музыку, пройдя через самые немислимые испытания, возвращался в родную усадьбу, где его встречали хозяева, но он, Майкл, разрывался между ними и человеком, спасшим его когда-то от плена, рабства и смерти, и, отыскав, в минуту страшного отчаяния вернулся сюда — он, Майкл, начинал выть и плакать, потому что его собачье (так похоже на человеческое!) сердце было не в состоянии выдержать такого эмоционального напряжения — с кем же быть: с ласковыми богатыми хозяевами или с бродягой, от которого пахнет табаком и морем, но чьи руки так надежны!

Нет, говорили мы себе сотни раз, не может быть, чтобы такая история не взволновала детские души, особенно сегодня, когда экран на каждом шагу подсовывает им одно и то же — фонтаны крови, грохот перестрелок, потасовки электронных скелетов, эротические танцы утопленников и удары, удары, удары, и все под дых, под дых.

Пора, подбадривали нас спонсоры, пора нашим детям напомнить, что есть в мире Верность, Сострадание, Нежность.

И вот я звоню в столичный детский кинотеатр, где объявлен наш фильм.

— Как идет «Собака, которая умела петь», как принимает ее зритель?

— А никак, — следует ответ.

— Уходят? — холодею я от противного, как физическая тошнота, ощущения, что, конечно, все пошло на смарку, лоясь себя на том, что виноваты мы сами — распустили сопли, разнюнились, все, все надо было делать не так, не так, жестоко надо было, жестоко и круто, ах как мы просчитались, это ведь провал, позор, стыдно и гадко, если бы можно было начать все сначала!

— Уходят? — переспрашиваю я.

— Не приходят, — звучит ответ, — мы вынуждены отменять сеансы, продается всего пять-шесть билетов.

— Ага, — мямлю я, — неинтересно? Да?

— Да вы не огорчайтесь, — успокаивает меня директор кинотеатра, — мы, взрослые, смотрели картину, все нормально, но дети... дети не идут!

— Но почему? Название, да? (Ах, какого дурака свалили в самом деле! «Собака, которая пела...» Чуть! Кому это сегодня интересно? Вот если бы... «Пес-людоед»! Или «Электронная собака и пять кинжалов»,

как же мы сразу не поняли!)

— У нас дети вообще на отечественные фильмы не ходят. Им без разницы, что «Собака», что «Сын полка», что «Чучело». Вон Сергей Соловьев уж как над рекламной работал, деньги вложил перед «Черной розой...» и то...

— Позвольте, но как же вы делаете план? — наивно вопрошаю я.

— Видео выручает. Только на нем и держимся. Тут ребят уговаривать не надо.

Точно такой же разговор (словно сговорились!) в другом детском кинотеатре: вашу картину смотреть не хотят, но вы не огорчайтесь, не вы первый, назовите ее хоть «Черная смерть», хоть «Зеленый скелет», бесполезно. Все решают три буквы на афише: «США». Самая верная реклама!

И тогда я приезжаю сам в Центральный детский кинотеатр в хороший день, в субботу.

Тишина. Пустой вестибюль. Две-три мальчишеские фигурки.

Афиша: «Ниндзя», «Адская месья», «Тварь», «Великолепная семерка», «Полицейский...» — вот, оказывается, в какой компании наша «Собака»!

У кассы:

— Два в видеозал.

— Один на «Тварь».

— Три на «Ниндзю».

Администратор:

— С фильмами надо работать. Звонить по школам, посылать методистов, приглашать съемочную группу, да и то стыдно бывает — приезжают актеры, режиссер, а в зале пусто. Хорошо, конечно, дать анонс по телевидению, на улицах, по радио, но ведь для этого нужны деньги!

Третий звонок.

В большом зале занято от силы десять — двенадцать мест. Три солдата. Несколько взрослых с детшками. Две девчонки. Пара пожилых людей по виду из пригорода (рядом вокзал).

И — автор.

Ушел ли кто-нибудь с фильма?

Когда зажегся свет, в зале оказалось даже на несколько человек больше. Получился ли наш фильм, решат миллионы зрителей, когда «Собака», не дожидаясь их в кинотеатрах, сама придет на голубой экран — картина заказана Центральным телевидением.

Ну а если бы фильм был чисто прокатным?

Горстка зрителей выпорхнула в вечерний сумрак. Зал мгновенно опустел.

Я оглянулся.

Нет, я видел не кинозал, мне представился большой ринг, на котором «Ниндзя» и «Тварь» уже давно нанесли сокрушительный нокаут нашему детскому кинематографу...

Кто в этом виноват?

Почему забыты все громкие слова и обещания, произносившиеся с высоких трибун, о борьбе за процветание кино для детей, наших с вами детей?

Разве не постыдно сегодня наше к нему полное равнодушие?

Не стали ли мы похожими на прохожего, торопливо отводящего глаза от подворотни, где откровенно растлевают малолетнего?

Анатолий КОЗАК.